

Мин. газ, 1981, 1 сев., № 1

Говорят: не в свои сани не садись! Но Рустам Ибрагимбеков, по специальности инженер-электромеханик, автор нескольких трудов по теории систем автоматического управления, которому прочили серьезное научное будущее, опубликовал почти 20 лет назад первый рассказ «Хлеб без варенья», сел не в свои сани и начал свой литературный путь. А потом мы стали зрителями снятых по его сценариям фильмов «В одном южном городе», «Белое солнце пустыни» (в соавторстве с В. Ежовым), который несусветные космонавты, по их собственным признаниям, обязательно смотрят перед тем, как стартовать с Земли, — есть у них такая примета... А потом мы стали зрителями пьес Р. Ибрагимбекова «Своей дорогой», «Похожий на льва», «Женщина за зеленой дверью», «Прикосновение», «Дом на песке»...

И вот недавно бакинские театралы познакомились с еще одним: Р. Ибрагимбековым — на этот раз режиссером.

Рустам ИБРАГИМБЕКОВ:

НЕ В СВОИ САНИ—САДИСЬ!

— Желание самому поставить спектакль мне кажется естественным. Каждый писатель, работающий в театре и кино, мечтает выйти на прямой контакт со своим зрителем. Хотя мы, драматурги, понимаем, что есть режиссеры, которые могут ставить гораздо лучше, «театральнее», но при этом всегда обнаруживаются потери между автор-

ским замыслом и режиссерским воплощением. Иногда возникает просто отчаяние, что всегда твоя пьеса будет приходиться к зрителю с издержками. Найти своего режиссера так же трудно, как найти жену. И тебя не покидает всю жизнь ощущение случайной связи, ощущение, что ты до конца не понят. И в то же время ты оставляешь за постановщиком право сказать то, что волнует его, потому что профессия режиссера — только частичное интерпретаторская, авторское начало там тоже сильно.

Я не встретил еще своего режиссера, хотя шло и идет много моих пьес и у нас, и за границей — в Болгарии, ГДР, Польше, Чехословакии. Из всего увиденного составляет некий идеальный образ спектакля, и начинаешь думать: значит, все же осуществим когда-то знак равенства между замыслом и воплощением. И вот однажды возникает дерзкая мысль: а почему самому не попытаться поставить спектакль?

— Кажется, у вас с братом это семейная черта: самому сочинять и самому ставить. Максуд Ибрагимбеков, насколько мне известно, поставил по своим сценариям уже два фильма.

— Верно. И поскольку люди мы с Максудом обстоятельные, то решили получить специальное образование и окончили Высшие режиссерские курсы. Когда-то мы учились на сценарных курсах, а до того получили техническое образование. Мы были уже прозаиками, драматургами,

сценаристами и опять пошли учиться. Всю жизнь учимся. Мы сняли по дипломной картине, и сама специфика кинематографа, где процесс творческий и производство взаимопроникают, постоянная необходимость заниматься делами организационными меня от кино надолго отвратили, а Максуд, видимо, увлекли. В театре все иначе — там эти два процесса разделены. Я поставил в одном и том же бакинском театре три спектакля с одними и теми же актерами. Испытываю от этого радость гораздо большую, чем когда пишу. Она усиливается ощущением, что и актеры — мой единомышленники — тоже получают от этого общения радость.

Сложился такой коллектив — театр в театре, с которым я хочу работать и дальше. Сначала «Дом на песке», потом «Допрос», и вот последняя постановка — «Ультиматум». Она сильно отличается от того, что я делал раньше. В ней я использовал все чисто театральные выразительные средства, тот свой опыт, который был уже накоплен в предыдущих постановках, и я горжусь тем, что этот спектакль, как мне кажется, значительно лучше пьесы. Сейчас ставить самому свои пьесы стало потребностью. И когда пишу новую, уже думаю, представляю, как буду воплощать ее на сцене.

— А есть новая пьеса?
— Есть, с не совсем обычным названием — «Похороны в Калифорнии». Действие происходит, естественно, в Кали-

форнии, в середине прошлого столетия, сразу после окончания гражданской войны, когда уже миновал пик «золотой лихорадки». Дело в том, что у нас в Баку серьезная проблема зрителя...

— Теперь уже занимают проблемы театра, а не только драматургии?

— Да. Так вот, очень важно найти такой многолойный материал, чтобы он, с одной стороны, привлекал зрителя пронизательного, вздумчивого, а с другой — обладал притягательной силой для самых широких кругов. Предыдущие мои спектакли в Баку имели своего, но, так скажем, немногочисленного зрителя. Хочется эту аудиторию расширить, конечно, но поступаешь содержательностью, глубиной того, что будет происходить на сцене. «Похороны в Калифорнии» — это попытка облечь серьезную психологическую драму в своеобразную форму стилизованного вестерна.

— Этот жанр не нов для вас, ведь фильм «Белое солнце пустыни» тоже решен в подобном ключе.

— И мысленно, повторяю, только мысленно — для меня герой «Похороны в Калифорнии» — это дедушка красноармейца Сухова. Может, это несколько наивно, но пишущие люди всегда ищут какие-то внутренние подпорки. Поскольку среда для меня здесь необычная (а я всю жизнь практически пишу только про то, что очень хорошо знаю), то выдумка — герой как бы дед Сухов — очень помогла мне в работе. Удивительно, что со временем произведение, тобой написанное когда-то, может выступить в качестве жизненного материала. Пьесу я собираюсь поставить с тем же коллективом в том же театре.

— Ваши новогодние пожелания зрителям?

— В фильме «Белое солнце пустыни» есть прекрасная песня о госпоже-удаче: «Ваше благородие госпожа удача, для кого ты добрая, а кому иначе», написанная Булатом Окуджавой, который, кстати сказать, не изменяя поэзии, не изменяя песне, занялся исторической прозой. Так вот мое пожелание: чтоб госпожа-удача была добра ко всем, а все пусть не боятся сестры хоть раз не в свои сани!

Интервью вела
Р. ИСАКОВА